

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ражабова Светлана Михайловна

Преподаватель кафедры «Узбекского и русского языков»

Ташкентского финансового института

Развитие права неизбежно включает в себя и развитие юридической терминологии. Прослеживая историю терминов в праве, можно сказать, что становление структуры юридических терминов носит очень сложный и долговременный характер. Законодательство тяготеет по смыслу к сфере точных знаний, требует однозначности составляющей его основу информации. Это требование для законодательства особенно существенно, поскольку правовые предписания должны обладать максимальной точностью изложения, и потому выделено в особое подразделение работы. Однозначность и точность информации в правовых документах невозможны при разном лексике, разночтении терминологии.

Аннотация: В статье рассматриваются функциональные и структурно-семантические особенности правовых терминов, раскрытие основных проблем изучения эволюции юридической терминологии, а также выявляются проблемы, связанные с их изучением и употреблением. Рассматривается модернизация современной законотворческой деятельности в Республике Узбекистан, затрагивается необходимость решения проблем юридической терминологии.

Ключевые слова: юридическая терминология, законотворческая деятельность, законодательная дефиниция, правовая коммуникация, вариативность.

Методы проведенного исследования: экспликация смысла, интерпретация, дискурсивный анализ.

Аналізу проблем, связанных с употреблением юридической терминологии, посвящены работы многих лингвистов и юристов:

Н. А. Бондыревой, Б. Н. Головина, Н. Д. Голева, П. А. Дамадановой, А. А. Денисовой, Е. Б. Ершовой, Г. В. Клычевой, Д. И. Милославской, Т. В. Морщаковой, А. С. Пиголкина, Р. И. Паисьевой, Л. Н. Русиновой, Т. В. Рыженковой, А. В. Суперанской, С. П. Хижняка, В. Ю. Туранина и др. В науке сформировались различные подходы к изучению юридической терминологии. Так, научные исследования Ф. П. Филина, Т. М. Балыхиной, В. М. Живова, Н. Г. Благовой, Н. В. Смирновой и др. посвящены изучению правовой терминологии в диахроническом аспекте. Значительное количество исследований посвящено изучению юридической терминологии в русле сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, в частности, труды Н. К. Гарбовского, В. Н. Комиссарова, Д. С. Лотте, В. М. Лейчика, Л. Л. Нелюбина, А. С. Одинцовой, А. А. Реформатского, Г. М. Стрелковского, С. Д. Шелова, Е. А. Лобановой и др. С позиций когнитивной лингвистики особенности юридической терминологии рассматриваются в работах Н. Б. Гвишиани, И. А. Громовой, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, В. Ф. Новодрановой, Ц. Ц. Огдоновой и др. Д. И. Милославская, В. Ю. Туранин, Н. Б. Лебедева, Н. Ю. Мартышко в своих исследованиях акцентируют внимание на взаимосвязи естественного и юридического языков.

Одним из наиболее обсуждаемых в науке является вопрос о сущности юридического термина: какие лексемы считать юридическими терминами, на основе каких принципов осуществлять их классификацию? Рассмотрим существующие в науке определения. Так, по мнению М. М. Глушко, термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы [Глушко, 1974]. С. В. Гринев определяет термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка,

принимаемую для точного наименования специальных понятий» [Гринев, 1993]. В целом приведенные выше и многие другие определения позволяют сделать вывод, что ученые выделяют общие признаки терминов: принадлежность конкретной сфере знания; соотнесенность с определенным понятием; формальное выражение словом или словосочетанием. Кроме того, в качестве признаков термина в ряде определений называются наличие дефиниции и семантическая однозначность. Однако не все термины, уже активно функционирующие в определенном метаязыке, имеют четкую официальную дефиницию, что не дает возможность относить данный признак к определяющим для признания термина таковым. Что касается требования семантической однозначности термина, то отметим, что его выполнение представляется желательным, но не всегда оказывается возможным в силу ряда, прежде всего, собственно языковых, причин. Следовательно, семантическая однозначность также не может выступать в качестве обязательного критерия определения термина. Более близким нашему пониманию оказалось определение, данное Б. Ю. Городецким. Ученый указывает, что термин представляет собой слово или словосочетание определенного подъязыка, взятое в фиксированном узуальном значении, для которого существует в более или менее явном виде сознательно выработанная дефиниция в рамках конкретного вида человеческой деятельности, причем носители подъязыка при использовании термина сознательно ориентируются на эту дефиницию [Городецкий, 2006]. Интересным представляется мнение С. Д. Шелова, согласно которому суть термина «заключается в том, что, будучи специальным или неспециальным обозначающим (знаком), термин вводит некоторое неизвестное (или недостаточно известное) понятие и потому нуждается в каком-то его определении (толковании, объяснении) или мотивации». Ученый справедливо указывает на «часто не замечаемую связь между «специфичностью» понятия, называемого термином, и

необходимостью его объяснять именно в силу этой «специфичности» [Шелов, 2010]. Специфичность понятий, выражаемых юридическими терминами, обусловлена в первую очередь, тем, что они принадлежат сфере, регулирующей общественные отношения. В связи с этим в категорию юридических терминов включаются слова, так или иначе коррелирующие с понятиями права и морали, такие, например, как «оскорбление», «обида», «моральный ущерб», «вред», «нравственное страдание», «порочить», «унижать», «честь», «достоинство», «деловая репутация», «клевета» и т. д. Как указывает Н. Д. Голев, данные слова, функционируя в юридическом метаязыке, имеют «не в полной мере терминологизированный смысл». [Голев, 2000]. Ранее С.Хижняк, предлагая считать терминологичным любое слово или словосочетание, обозначающее ключевое понятие правовой нормы, отмечал, что характер терминологичности при этом может быть различным [Хижняк, 1997]. Именно по степени «терминологизованности» правовые термины традиционно подразделяют на три группы: а) общезначимые термины (характеризуются тем, что они употребляются в обыденном смысле и понятны всем); б) специально-юридические термины (обладают особым правовым содержанием); в) специально-технические термины, отражающие область специальных знаний – техники, экономики, медицины и т.д. [Энциклопедический словарь экономики и права, 2005]. В роли термина, как мы видим, может выступать не только специально созданная для обозначения правового понятия лексема, но и слово, относящееся к общеупотребительной лексике и используемое в особой функции – функции наименования специального понятия, предмета или явления. Иными словами, в контексте правовых актов общеупотребительные лексеммы терминологизируются. Функция номинации юридическим термином правовых понятий, предметов и явлений приводит к преобладанию имен существительных в текстах правового характера и, прежде всего, в законодательных актах. Их массовая

доля действительно велика и может составлять до 60-80 процентов от общего количества слов в предложении. Действительно, в плане словообразования значительную группу юридических терминов составляют образования с отглагольными существительными, например: «дача показаний», «отвод следователя» и т. п. Таким образом, специфика терминов как номинативных знаков заключается также в их вторичности, производности. В роли термина, как мы видим, может выступать не только специально созданная для обозначения правового понятия лексема, но и слово, относящееся к общеупотребительной лексике и используемое в особой функции – функции наименования специального понятия, предмета или явления. Иными словами, в контексте правовых актов общеупотребительные лексемы терминологизируются. Субстантивный характер большинства юридических терминов объясняется тем, что «познавательная деятельность человечества всегда проходила и проходит через именование объектов действительности, выявление их отличительных признаков с помощью словарных дефиниций» [Чиророва, 2007]. В связи с этим существует традиционная точка зрения о субтантивности как обязательном признаке юридического термина: «в европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными» [Ахманова, 1969].

Как отмечает И. А. Громова, вопросы, связанные с изучением сущности и признаков юридических терминов, критериев разграничения терминов и общелитературных слов, определения объема юридической терминологии, традиционно рассматривались в науке с позиций системоцентризма. Однако «смена парадигм в лингвистике – от системоцентризма к антропоцентризму – открывает принципиально иную

плоскость для изучения различных проблем» [Громова, 2002], в том числе и для изучения юридической терминологии. Эту позицию поддерживает в своем диссертационном исследовании Е. В. Малюкова, указывая что «отличие между термином в системоцентрическом и антропоцентрическом пространстве определяется общим различием между результатом теоретического и обыденного познания» [Малюкова]. Однако в целом, как отмечает Н. Д. Голев, «идеи современной коммуникативной лингвистики с сильным антропоцентрическим акцентом с трудом пробиваются в сферу терминоведения», при этом, например, научная коммуникация рассматривается, как правило, «в односубъектном формате, ограничивающемся деятельностью автора-ученого и не предполагающем его коммуникативное взаимодействие с адресатом-потребителем» [Голев, 2012]. В условиях же правовой коммуникации, где происходит процесс передачи правовой информации от правотворческого органа (адресанта) к субъектам, реализующим право (адресату), подобный «односубъектный» формат представляется еще менее логичным. Более того, с момента официального опубликования смысл правовой нормы перестает принадлежать законотворцу, происходит так называемое отчуждение текста от автора, и все участвующие в правовой коммуникации субъекты осуществляют интерпретацию (неофициальное толкование) правового акта исходя из того, что в нем написано. В связи с этим, принципиальное значение имеет и то, как правовые понятия отражены в действующем законодательстве, и то, как они реально функционируют в обществе: интерпретируются в процессе правоприменения и правопользования; формируют правосознание граждан; способствуют реализации целей и задач государственной политики и т. п. Вот почему смещение акцента в сторону адресата в акте правовой коммуникации представляется актуальным и перспективным, в том числе при изучении юридической терминологии. Кроме того, как известно, одним из важнейших свойств

термина является его информативность, поэтому изучение лингвокогнитивной структуры юридических терминов, эволюции выражаемых ими понятий имеет важное значение и с той точки зрения, что в них аккумулируется в языковой форме правовое знание. Как известно, язык – система подвижная, развивающаяся. «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Наиболее заметны обновления, происходящие на лексическом уровне языка: происходит пополнение как активного, так и пассивного словаря, расширение либо сужение семантики отдельных лексем и т. п. Подобные процессы свойственны и терминологии как системе понятий той или иной области знаний. В силу постоянного увеличения объема правового регулирования, развития международных отношений терминологический аппарат права также претерпевает заметные изменения и, соответственно, требует пристального внимания и изучения. Одной из наиболее очевидных проблем, связанных с расширением терминологического состава права Республики Узбекистан, выступает проблема вариативности юридических терминов. Семантическое варьирование проявляют такие термины, как «ипотека», «клевета», «плагиат», «честь», «моральный ущерб», «существенный вред», «значительный ущерб», «злостное уклонение», «доход» и др. Сохраняя формальное тождество, данные термины в различных нормативно-правовых актах обнаруживают изменения в плане содержания. Более того, отдельные термины (например, «имущество», «собственность», «заинтересованные лица») вообще не дефинируются, и их смысл раскрывается через содержание самих нормативных предписаний. Однако следует заметить, что отсутствие четкого закрепления юридических терминов сказывается на правильности понимания как значения отдельных понятий, так и в целом правовых предписаний, в которых данные термины

занимают ключевую позицию. Действительно, «существует острая проблема специфики формулирования именно юридических дефиниций. Их цель – не всестороннее раскрытие научного понятия, а его определение, достаточное для нужд реализации права. Чем большему числу понятий будут даваться законодательные дефиниции, тем меньше будет ошибок и недоразумений на практике» [Берг, 2004]. Таким образом, многозначные правовые термины требуют научной разработки, анализа, точного определения. В то же время «именно вариативность (конкуренция вариантов) является основным механизмом саморазвития любой терминосистемы» [Голев, 2012]. В статье, посвященной рассмотрению научных и правовых терминов в аспекте стихийного функционирования языка, Н. Д. Голев высказывает идею о наличии стихийного начала в процессе терминотворчества и терминопотребления. Ученый аргументирует свою мысль тем, что «процессы терминотворчества и терминопотребления неизбежно включены в естественное функционирование языка, органической частью которого является терминология, и во многом подчинены его закономерностям: термины создаются по законам естественного языка, входят в узус по законам его стихийного функционирования, употребляются и интерпретируются в речемыслительной деятельности так же, как слова в обычном речепотреблении» [Голев, 2012]. Именно наличием стихийного начала объясняется, на наш взгляд, явление смысловой трансформации юридических терминов.

Таким образом, изучение правовых терминов на современном этапе предполагает, на мой взгляд, решение таких проблем, как уточнение сущности юридического термина, прежде всего в лингвокогнитивном аспекте; выявление критериев классификации правовых терминов по степени их терминологизации; анализ семантических особенностей

терминов, обнаруживающих вариативность при использовании в законодательных актах.

Литература:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Берг Е. Б. Юрислингвистика в правотворчестве / Е. Б. Берг // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2010 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 281-282. – [Электронный ресурс]. - URL: http://www.ksu.ru/f10/publications/2004/rsf_conf_10.php
3. Большой юридический словарь. – [Электронный ресурс]. - URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=3&wordid=68240>
4. Глушко М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М., 2009. - 120 с.
5. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема. (Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. -Барнаул, 2000. - С. 8-40)
6. Голев Н. Д. Научные и правовые термины в аспекте стихийного функционирования языка: соображения для дискуссии. – [Электронный ресурс]. URL: http://konference.siberiaexpert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golev_n_d_nauchnye_i_pravovye_terminy_v_aspekte_stikhijnogo_funkcionirovanii_jazyka_soobrazhenija_dlja_diskussii/5-1-0
7. Городецкий Б. Ю. Термин как семантический феномен (в контексте переводческой лексикографии). – [Электронный ресурс]. - URL: www.dialog21.ru/dialog2006/materials/pdf/GorodetskiyB.pdf
8. Гринев С. В. Введение в терминоведение: Уч. пособие. – М., 1993.

9. Громова И. Г. Юридические термины в когнитивном аспекте: На материале английского языка / Автореф. дисс. 10.02.04, - Калининград, 2012. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.dissercat.com/content/yuridicheskie-terminy-v-11_kognitivnom-aspekte-na-materiale-angliiskogo-yazyka
10. Ивина Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : учеб.-метод.пособие. М. : Академ. проект, 2003. 302 с.
11. Мартышко Н. Ю. Интерпретационный подход к изучению проблемы точности и однозначности юридических терминов // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». – Волгоград, 2012. – [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.lingexpert.ru/conference/langlaw2/martyshko.html>
12. Огдонова Ц. Ц. Лингвокогнитивный аспект интерпретации научного концепта // Вестник Челябинского государственного университета. 2010.
13. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов: изд-во Саратовского гос. университета, 1997. 134с.
14. Чиронова И. И. Теоретические основы анализа юридической терминологии // Современные гуманитарные исследования. 2017. № 6. С. 142- 148.
15. Шелов С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, No 4 (2). С. 795–799.
16. Энциклопедический словарь экономики и права, 2016. – [Электронный ресурс]. - URL:http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/